

Мельников Евгений Александрович

**ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва 2026

Работа выполнена в секторе уголовного права, уголовного процесса и криминологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук.

Научный консультант: **Савенков Александр Николаевич**, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Борков Виктор Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Дворянсков Иван Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник федерального государственного казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Иванчин Артем Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Защита состоится «16» октября 2026 года в 12 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета 24.1.058.02, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук, по адресу: 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

С диссертацией можно ознакомиться в Отделе библиотечно-библиографического обслуживания ИНИОН РАН при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Института государства и права Российской академии наук и на сайте по адресу: <http://www.igpran.ru>

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.1.058.02

кандидат юридических наук

Е.Е. Коновалова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Правосудие принадлежит к числу конституционных ценностей, доверие к нему со стороны общества выступает одним из условий поддержания законности и правопорядка. Применительно к уголовным делам правосудие может осуществляться исключительно в установленной законом процессуальной форме – в порядке уголовного судопроизводства, его результат призван восприниматься как справедливый и легитимный. Одним из основных механизмов уголовно-правового обеспечения целей и назначения уголовного судопроизводства выступает система норм, объединенных в гл. 31 УК РФ. От ее согласованности и полноты во многом зависит способность государства охранять интересы правосудия от посягательств на всех этапах производства по уголовному делу.

Между тем обособление преступлений против правосудия в самостоятельную главу УК РФ не сопровождалось разработкой единой теоретико-методологической концепции, объясняющей внутреннее единство объединенных в ней норм. В отечественной науке уголовного права до настоящего времени отсутствует общепризнанный системообразующий критерий, который позволял бы непротиворечиво определить понятие, видовой объект, систему и пределы уголовно-правовой охраны интересов правосудия. Объединенные в этой главе составы остаются разнородными по основному непосредственному объекту, кругу субъектов и потерпевших, что порождает многочисленные доктринальные споры и не обеспечивает в полной мере внутренней согласованности уголовно-правовой охраны. Не всегда учитываются достижения науки уголовного судопроизводства, функциональная роль преступлений против правосудия в обеспечении уголовно-процессуальной деятельности, взаимообусловленность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов.

Особую остроту приобрел вопрос о пределах действия норм гл. 31 УК РФ. Поскольку правосудие реализуется только в процессуальной форме, дискуссионной остается правовая природа деятельности по проверке сообщения о преступлении, предшествующей возбуждению уголовного дела, и оперативно-

разыскной деятельности, направленной на раскрытие преступления, а также их соотношение с уголовным судопроизводством. В законодательстве и правоприменительной практике сфера действия норм гл. 31 УК РФ в ряде случаев расширяется и охватывает в том числе отношения, возникающие на досудебных стадиях и в ходе оперативно-разыскной деятельности. Подобное расширение не всегда согласуется с действующим законодательством и требует самостоятельного доктринального обоснования природы указанной деятельности и ее места в осуществлении правосудия.

Самостоятельным фактором актуальности выступает нестабильность уголовного закона. Глава 31 УК РФ неоднократно дополнялась новыми нормами, в том числе ст. 294¹, установившей ответственность за вмешательство в осуществление правосудия со стороны иностранных субъектов, а изменения, вносимые в смежные главы Особенной части УК РФ, и эволюция судебного толкования признаков соответствующих преступлений нарушают согласованность дифференциации ответственности за посягательства на правосудие. Так, изменение санкций ст. 286 УК РФ существенно рассогласовало наказуемость посягательств должностных лиц на интересы правосудия, исказив идею их криминализации. Вследствие этого соотношение норм гл. 31 УК РФ с общими нормами об ответственности за должностные и иные преступления оказывается рассогласованным, а основания и пределы их разграничения – недостаточно определенными.

Отмеченная концептуальная неопределенность отражается и на правоприменении. Судебная практика по делам о преступлениях против правосудия остается противоречивой: отсутствие единого подхода проявляется как в расширительном толковании отдельных норм, так и в затруднениях при отграничении соответствующих преступлений от смежных деяний. Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20, посвященного судебной практике по делам о преступлениях против правосудия, не устранило всего спектра дискуссионных вопросов, многие из которых имеют не частный, а концептуальный характер и

не могут быть разрешены без обращения к методологическим основаниям уголовно-правовой охраны правосудия.

Изложенное свидетельствует о наличии в теории уголовного права крупной научной проблемы – необходимости разработки теоретико-методологической концепции преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства, отвечающей современному состоянию отечественной модели уголовного судопроизводства и обеспечивающей доктринальное осмысление их природы, видового объекта, системы, субъектного состава и пределов уголовно-правовой охраны. Эти и иные обстоятельства обусловили выбор темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования.

Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы затрагивались в работах, посвященных:

а) концептуальным основам организации уголовного судопроизводства – Н.В. Азаренка, А.И. Александрова, А.С. Александрова, О.Л. Васильева, Л.М. Володиной, Л.А. Воскобитовой, С.И. Викторского, А.Я. Вышинского, Б.Я. Гаврилова, Л.В. Головки, С.А. Голунского, Г.Р. Гольста, К.Ф. Гуценко, А.М. Ларина, В.В. Кожокаря, С.Г. Коновалова, Н.В. Крыленко, Л.А. Масленниковой, Я.О. Мотовиловкера, Н.Н. Полянского, С.В. Романова, С.Б. Россинского, А.Н. Савенкова, В.М. Савицкого, М.С. Строговича, М.А. Чельцова-Бебутова, Г.С. Фельдштейна, И.Я. Фойницкого, А.Г. Халиулина, Н.А. Якубовича и др.;

б) уголовно-правовым проблемам обеспечения интересов правосудия – И.С. Власова, В.Н. Боркова, А.В. Бриллиантова, М.А. Гараниной, А.С. Горелика, И.В. Дворянскова, С.А. Денисова, В.Д. Иванова, Ю.И. Кулешова, Я.М. Кульберга, Л.В. Лобановой, Н.А. Лопашенко, Ш.С. Рашковской, И.М. Тяжковой, Е.И. Чекмезовой, А.И. Чучаева и др.;

в) уголовно-правовому обеспечению независимой и безопасной деятельности по отправлению правосудия – Т.К. Агузарова, К.Ф. Амирова, С.Э. Асликяна, И.А. Бобракова,

В.В. Кима, В.Л. Кудрявцева, М.М. Курбанова, Б.С. Райкеса, А.И. Скакуна, Е.Н. Тереховой, К.Н. Харисова и др.;

г) уголовно-правовому обеспечению исполнения судебных актов в сфере уголовного судопроизводства – К.П. Андреева, М.Р. Гарафутдинова, И.И. Голубова, И.В. Губко, А.И. Друзина, Л.Ю. Лигая, А.А. Примака, В.К. Сауляка, А.Д. Смияна, П.В. Тепляшина, В.А. Шихвердиева и др.;

д) уголовно-правовому обеспечению исполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, а также получения достоверных доказательств – О.Я. Баева, В.А. Блинникова, А.А. Калашниковой, В.М. Колесника, Н.Е. Крыловой, С.А. Новикова, А.А. Радченко, В.В. Райгородского, А.Р. Ратинова, Ю.А. Цветкова, М.Х. Хабибуллина и др.;

е) характеристике преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства, совершаемых должностными лицами, – С.Э. Асликяна, А.В. Борбата, В.Н. Боркова, Б.Б. Булатова, Н.А. Будякова, Н.Р. Емеевой, Л.С. Зениной, В.Д. Иванова, А.Ю. Карташова, П.С. Метельского, П.Л. Сурихина, А.В. Титовой, Ю.А. Цветкова, П.С. Яни и др.

Отдельно можно выделить работы, посвященные исключительно вопросам уголовной ответственности за фальсификацию доказательств, И.С. Благодарь, В.В. Вишнякова, К.Г. Лопатина и др.;

ж) уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования – М.А. Новиковой, О.А. Онопко и др.;

з) уголовной ответственности за укрывательство преступлений – И.А. Бушуева, И.И. Голубова, А.В. Зарубина, В.Г. Трифонова, М.Х. Хабибуллина и др.

В указанных работах исследуются теоретические основы уголовно-правового обеспечения интересов правосудия и противодействия отдельным преступлениям, решаются теоретические и практические задачи по укреплению законности в уголовном судопроизводстве, формулируются предложения по вопросам квалификации рассматриваемых преступлений. Однако

значительная часть работ была подготовлена на основе ранее действовавшего уголовного и уголовно-процессуального законодательства и до принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20. До настоящего времени в отечественной науке уголовного права отсутствует целостная теоретико-методологическая концепция преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства, опирающаяся на доктрину полноты судебной власти и на представление об уголовном судопроизводстве как единстве статики и динамики процесса. Доктрина полноты судебной власти получила развитие преимущественно в дореволюционной и современной литературе по уголовно-процессуальному и конституционному праву.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретико-методологической концепции преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства, основанной на доктрине полноты судебной власти и процессуальном критерии систематизации преступлений гл. 31 УК РФ, обеспечивающей научно обоснованное решение вопросов о понятии, видовом объекте, системе, субъектном составе и пределах уголовно-правовой охраны интересов правосудия, а также формирующей теоретическую основу для совершенствования норм уголовного законодательства и практики их применения.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

- обобщить накопленные в отечественной науке (дореволюционной, советской и современной) представления о полноте судебной власти и обосновать возможность и пределы ее применения в качестве методологической основы исследования преступлений гл. 31 УК РФ;

- выявить значение исторической трансформации отдельных институтов отечественной модели уголовного судопроизводства (дознания, доследственной проверки сообщения о преступлении, оперативно-разыскной деятельности) для определения видового объекта преступлений против правосудия;

- определить объем понятия «уголовное судопроизводство» применительно к задачам данного уголовно-правового исследования;

- аргументировать применимость восходящего к работам дореволюционных отечественных ученых-процессуалистов разграничения статике и динамики процесса как методологической основы систематизации преступлений против правосудия;

- сформулировать доктринальное определение преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства и выявить их существенные признаки;

- обосновать понимание видового объекта преступлений против правосудия с учетом единства статике и динамики процесса;

- разработать процессуальный критерий систематизации преступлений гл. 31 УК РФ;

- на основе предложенного критерия построить систему преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства и обосновать место в ней каждого состава;

- выявить пределы уголовно-правовой охраны интересов правосудия с учетом современного состояния отечественной модели уголовного судопроизводства;

- проанализировать дискуссионные признаки составов преступлений гл. 31 УК РФ, предложить теоретическое их толкование;

- охарактеризовать тенденции развития российского законодательства и правоприменительной практики об ответственности за преступления против правосудия;

- выработать правила отграничения преступлений против правосудия от смежных составов;

- на основе предложенной концепции сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Научная новизна исследования. Впервые в науке уголовного права разработана теоретико-методологическая концепция преступлений против правосудия в сфере уголовного

судопроизводства, основанная на доктрине полноты судебной власти и процессуальном критерии их систематизации. Указанная концепция позволяет согласовать рамки уголовно-правовой охраны интересов правосудия с современной отечественной моделью уголовного судопроизводства и решить проблемы характеристики видового объекта, системы, субъектного состава данных деяний и пределов действия норм гл. 31 УК РФ.

В частности, научной новизной обладают:

- дефиниция преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства, содержащая существенные признаки данной группы деяний;

- определение пределов уголовно-правовой охраны интересов правосудия, охватывающих в том числе деятельность, осуществляемую в ходе проверки сообщения о преступлении, и оперативно-разыскную деятельность, направленную на раскрытие преступления;

- обоснование возможности использования в качестве методологической основы для построения системы преступлений против правосудия статики и динамики уголовного судопроизводства как единого понятия;

- классификация преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства;

- понятие видового объекта преступлений против правосудия, исходящее из концептуальной основы единства статики и динамики уголовного судопроизводства;

- установление круга лиц, способствующих осуществлению правосудия в силу профессионального долга или *ex officio*, и их статуса как субъектов и (или) потерпевших от преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ;

- толкование ряда признаков составов рассматриваемых преступлений, углубляющее представление об их содержании;

- модель реконструкции санкций норм об уголовной ответственности должностных лиц за посягательства на динамику процесса;

- разработанные предложения по совершенствованию уголовного законодательства, в том числе криминализации ряда общественно опасных деяний в сфере осуществления уголовного судопроизводства;

- сформулированные алгоритмы квалификации деяний, вызывающих сложности правоприменения.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем разработана целостная теоретико-методологическая концепция преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства, опирающаяся на доктрину полноты судебной власти и авторский процессуальный критерий их систематизации. На этой основе по-новому решен вопрос о пределах действия норм гл. 31 УК РФ: обосновано тождество по правовой природе деятельности, осуществляемой при проверке сообщения о преступлении и в части оперативно-разыскной деятельности, направленной на раскрытие преступления, классическому полицейскому дознанию как первоначальному этапу континентальной модели уголовного судопроизводства, что позволяет рассматривать указанную деятельность как составную часть уголовного судопроизводства. С позиций доктрины полноты судебной власти определен круг лиц, способствующих осуществлению правосудия в силу профессионального долга или *ex officio*, и их статус как субъектов и (или) потерпевших; на основе разграничения статики и динамики процесса предложена система преступлений против правосудия и обосновано решение ряда частнонаучных вопросов их квалификации – о моменте привлечения к уголовной ответственности в свете различия границ производства *in rem* и *in personam*, о пределах режима тайны предварительного следствия, об обязательности судебных актов и о юридическом значении фактической, а не процессуальной, осведомленности участников процесса. Сформулированные выводы и предложения образуют не разрозненный перечень, а взаимосвязанный комплекс, логически вытекающий из единой концептуальной основы, и дополняют учение о преступлениях против правосудия, а также положения о социальной

обусловленности криминализации, законодательной технике и дифференциации уголовной ответственности.

Полученные результаты открывают ряд перспективных направлений дальнейших научных исследований, обусловленных внутренней логикой предложенной концепции: разработку теоретической модели гл. 31 УК РФ как основы дальнейшей законотворческой работы; комплексную разработку учения о прикосновенности к преступлению в сфере уголовного судопроизводства и систематизацию ее видов; формирование целостной концепции уголовно-правовой охраны исполнения судебных актов с учетом различения окончательных и промежуточных актов, а также видов уклонения от их исполнения; уголовно-правовое исследование института провокации преступления, в том числе ее отграничения от оперативного эксперимента; определение пределов и форм уголовно-правовой охраны деятельности защитника и его статуса как субъекта и потерпевшего; а также разработку проблематики уголовно-правовой охраны суверенного права государства на осуществление уголовного судопроизводства в связи с введением в УК РФ статьи 294¹.

Практическая значимость исследования определяется прежде всего тем, что его выводы доведены до уровня готовых к использованию нормативных решений: в работе подготовлены проект федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (с корреспондирующими изменениями УПК РФ) и проект изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20, которые могут быть непосредственно использованы в законотворческой деятельности и при подготовке разъяснений по вопросам применения законодательства в целях обеспечения единообразного применения законов.

Результаты исследования могут быть использованы:

в правоприменительной деятельности судебных и правоохранительных органов – при квалификации преступлений против правосудия, отграничении их от смежных составов, в том числе от преступлений, предусмотренных ст. 285, 286, 318 УК РФ,

разрешении конкуренции общих и специальных норм с применением предложенных алгоритмов юридической оценки деяний;

в законотворческой деятельности – при дальнейшем совершенствовании гл. 31 и смежных глав Особенной части УК РФ, а также при реконструкции санкций норм об ответственности должностных лиц;

при подготовке постановлений Пленума и обзоров судебной практики Президиума Верховного Суда РФ;

в научно-исследовательской работе – как основа для дальнейшей разработки учения о преступлениях против правосудия;

в учебном процессе образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования юридического профиля при преподавании дисциплин «Уголовное право», «Уголовно-процессуальное право», «Криминология», при подготовке учебников и учебных пособий, а также при повышении квалификации сотрудников правоохранительных и судебных органов.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования послужили общая теория познания и материалистическая диалектика, в рамках которых преступления против правосудия рассматриваются не как замкнутый перечень составов, а как развивающаяся система, обусловленная исторически сложившейся моделью уголовного судопроизводства. Диалектический метод позволил разрешить центральное для работы противоречие между процессуальной формой осуществления правосудия и фактическим содержанием досудебной деятельности и тем самым обосновать включение проверки сообщения о преступлении и оперативно-разыскной деятельности, направленной на раскрытие преступления, в объем понятия уголовного судопроизводства.

Системно-структурный метод применен при построении видового объекта и системы преступлений гл. 31 УК РФ: опираясь на доктрину полноты судебной власти и авторское разграничение статичности и динамики процесса, разнородные составы удалось упорядочить по единому процессуальному критерию, определить

место каждого состава в системе и выявить пробелы охраны, в частности, отсутствие самостоятельной ответственности за укрывательство преступлений от учета, за заведомо незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, за несообщение об особо тяжком преступлении. Метод классификации использован для разделения преступлений на группы и подгруппы, а формально-логический метод – для проверки непротиворечивости предлагаемых конструкций и согласованности санкций смежных норм.

Историко-правовой метод обеспечил реконструкцию генезиса понятий «судопроизводство», «дознание» и «вспомогательные органы судебной власти»; обращение к памятникам русского права и Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. позволило установить, что доследственная проверка и направленная на раскрытие преступления оперативно-разыскная деятельность по своей правовой природе тождественны классическому полицейскому дознанию как первоначальному этапу континентального уголовного процесса. Этот вывод стал теоретическим основанием для определения пределов действия норм гл. 31 УК РФ.

Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении отечественной модели уголовного судопроизводства с классической континентальной моделью, что позволило аргументировать доктрину полноты судебной власти и, в частности, обосновать расширение условий освобождения от ответственности за лжесвидетельство.

Формально-юридический метод и метод юридического толкования (грамматического, систематического, телеологического) использованы при анализе признаков составов гл. 31 УК РФ и смежных норм, при разрешении конкуренции общих (ст. 285, 286, 294 УК РФ) и специальных норм, а также при конструировании предлагаемых составов преступлений и редакции соответствующих уголовно-правовых норм.

Метод правового моделирования позволил довести теоретические выводы до уровня готовых нормативных решений – проекта федерального закона о внесении изменений в УК РФ.

Подготовлен также проект изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20.

Эмпирическая составляющая методологии обеспечена статистическим методом и контент-анализом. Статистический метод применен при обработке данных официальной статистики и результатов изучения судебной практики и позволил оценить распространенность и устойчивость выявленных правоприменительных проблем. Контент-анализ – метод формализованного систематического изучения массива однородных документов с выделением и квантификацией повторяющихся содержательных элементов – применен к более чем 300 материалам судебной практики и более чем 50 нормативным правовым актам и иным официальным документам. Единицами анализа выступили устойчивые подходы судов к квалификации, основания разграничения смежных составов и типичные правоприменительные ошибки; их фиксация по заранее определенным правилам и количественная обработка обеспечили объективность и воспроизводимость выводов и позволили эмпирически подтвердить наличие выявленных пробелов и противоречий, на устранение которых направлены сформулированные предложения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Объединение разнородных по субъекту и непосредственному объекту посягательств в единую группу предполагает наличие общего системообразующего критерия, отсутствие которого является исторически унаследованным дефектом гл. 31 УК РФ. Уже в дореволюционный период правосудие было признано самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны (глава «О неправосудии» Уложения о наказаниях 1845 г.; глава VII «О противодействии правосудию» Уголовного уложения 1903 г.), однако устойчивый дуализм посягательств должностных лиц («изнутри») и частных лиц («извне») не позволил объединить их в единой главе.

В советский период систематизация складывалась поэтапно: первая кодификация (УК РСФСР 1922 г.) самостоятельной системы этих норм не образовала; промежуточным ее итогом стал УК РСФСР редакции 1926 г., упорядочивший их по признаку

субъекта – как должностные преступления и как иные преступления против порядка управления; самостоятельная же глава, объединившая обе группы, появилась лишь в УК РСФСР 1960 г. Единого критерия систематизации она при этом не получила, а круг охватываемых деяний формировался непоследовательно. Устранение этого исторически обусловленного пробела составляет необходимое условие непротиворечивого определения понятия, видового объекта и системы данных преступлений.

2. Преступления против правосудия – общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, характеризующие установленный порядок осуществления судопроизводства, включая организацию суда и его вспомогательных органов, их независимость и авторитет (статику процесса), а также порядок осуществления деятельности, направленной на достижение целей и назначения правосудия (динамику процесса).

Данные преступления:

- нарушают общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением судопроизводства, а также достижением его целей и назначения; это обстоятельство позволяет отграничить их от посягательств в отношении судей или иных участников судопроизводства вне связи с осуществлением правосудия;

- причиняют или создают угрозу причинения вреда публичному интересу в нормальном осуществлении судопроизводства; при нарушении прав его участников также подрывается легитимность судебного акта;

- совершаются лицами, вовлеченными, как и потерпевшие от них, в сферу уголовного судопроизводства, в рамках которого реализуется уголовно-правовое отношение ответственности; деяния лиц, не имеющих процессуального статуса, препятствуют возникновению уголовно-процессуальных отношений либо, наоборот, направлены на их возникновение при заведомом отсутствии уголовно-правового отношения.

3. Концепция полноты судебной власти означает, что она обладает полномочиями контроля за всем ходом уголовного судопроизводства, включая деятельность органов,

институционально к ней не относящихся. Указанную полноту судебной власти обеспечивают:

а) судопроизводственный (функциональный) механизм: вспомогательные органы – следователь, дознаватель, прокурор и иные лица, способствующие осуществлению правосудия *ex officio* либо в силу профессионального долга, – начиная действовать процессуально, попадают под контроль судебной власти. Этот контроль может быть сплошным либо существовать лишь как институциональный потенциал, т. е. сохраняемая возможность судебной проверки и вмешательства. Деятельность таких органов не автономна: она направлена на достижение целей и назначения правосудия, а сами они функционально становятся частью судебной власти, осуществляя в досудебном производстве ее делегированные полномочия в уголовно-процессуальном смысле;

б) судоустройственный (организационный) механизм; он предполагает наличие при суде вспомогательных органов, без деятельности которых достижение целей правосудия невозможно. К таким органам относятся адвокатура, прокуратура, органы предварительного следствия и дознания, Федеральная служба судебных приставов и Федеральная служба исполнения наказаний.

При этом судоустройственный (организационный) аспект полноты судебной власти наиболее полно выражен во французской модели единой магистратуры – едином корпусе судей и прокуроров. В ряде стран континентальной Европы прокуратуру относят к судебной власти и при отсутствии такого единого корпуса. В дореволюционной России единая магистратура создана не была: прокуратура в судейский корпус не входила и в организационном отношении к судебной власти не принадлежала. Судебные следователи, напротив, были отнесены к судебной власти и входили в судебный корпус, тогда как прокуроры, присяжные поверенные и иные чины были связаны с нею функционально, состояли при судах, а суды осуществляли в отношении ряда их должностных лиц дисциплинарную власть. В советский период эта связь была по существу утрачена. Поэтому на современном этапе развития отечественной модели уголовного судопроизводства полнота

судебной власти обеспечивается в России преимущественно через судопроизводственный (функциональный) механизм.

4. В ходе трансформации отечественной модели уголовного судопроизводства классическое дознание – деятельность судебной полиции, осуществляемая под руководством прокурора в целях принятия решения о возбуждении публичного иска, – утратило свое изначальное значение и приблизилось по форме к предварительному следствию. Одновременно сформировалась концепция процессуальной формы, согласно которой действие является процессуальным не в силу того, что оно совершено судом, а потому, что облечено в процессуальную форму.

Функцию классического полицейского дознания в современной модели фактически обеспечивают деятельность по проверке сообщения о преступлении, а в части, направленной на раскрытие преступления, – оперативно-разыскная деятельность. Эта деятельность урегулирована законодательством, нередко связана с государственным принуждением, находится под контролем органов юстиции и направлена на реализацию уголовно-правового отношения ответственности, возможную лишь в порядке уголовного судопроизводства; по своей правовой природе она идентична деятельности судебной полиции в ходе классического дознания и потому является де-факто первоначальным этапом уголовного судопроизводства.

5. Исторически понятие «судопроизводство» охватывало две составляющие: организацию суда и его вспомогательных органов (статику процесса – судоустройство в широком смысле) и порядок судебного рассмотрения дела (динамику процесса). Они позволяют сформулировать так называемый процессуальный критерий классификации преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ.

6. Видовым объектом преступлений против правосудия следует признавать совокупность общественных отношений, характеризующих нормальный порядок осуществления судопроизводства, а также реализацию его целей и назначения. Понятие уголовного судопроизводства, включающего не только судебное разбирательство и предварительное расследование, но и стадию возбуждения уголовного дела (доследственную проверку),

частично оперативно-разыскную деятельность (направленную на раскрытие преступлений) и исполнение судебных актов, в совокупности с концепцией полноты судебной власти позволяет существенно расширить характеристику преступлений против правосудия. Предложенный подход устраняет разрыв между фактическим содержанием уголовно-процессуальной деятельности и рамками уголовно-правовой охраны интересов правосудия.

7. Преступления, предусмотренные гл. 31 УК РФ, классифицируются на две группы:

1) деяния, посягающие на суверенное право государства на осуществление уголовного судопроизводства и на основы судоустройства (статiku процесса), которые образуют четыре подгруппы деяний:

– посягательства на авторитет правосудия (ст. 297, 298¹, 304, 306, 312–315 УК РФ);

– посягательства на независимость судебной власти и процессуальную самостоятельность вспомогательных органов (ст. 294, 295, 296 УК РФ);

– посягательство на исключительное суверенное право государства на осуществление судопроизводства (ст. 294¹ УК РФ);

– посягательство на безопасность участников судопроизводства (ст. 311 УК РФ);

2) деяния, посягающие на порядок осуществления правосудия и на установление уголовно-правового отношения ответственности (динамику процесса), которые образуют две подгруппы:

– посягательства должностных лиц (ст. 299–303, 305 УК РФ);

– посягательства недолжностных лиц (ст. 307–310, 316 УК РФ).

Деяния, посягающие на авторитет правосудия, в свою очередь охватывают три группы посягательств: предусмотренные ст. 297 и 298¹ УК РФ; ст. 304 и 306 УК РФ; ст. 312–315 УК РФ.

Предлагаемые новые составы встраиваются в эту систему по тому же процессуальному критерию – в зависимости от их посягательства на статику либо на динамику процесса.

8. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ, следует считать общественные отношения, характеризующие реализацию судебного акта в связи с арестом имущества или конфискацией. Определение объекта как «нормальной деятельности органов по исполнению судебного акта» ведет к необоснованной криминализации деяний, не обладающих необходимой степенью общественной опасности, и к формальному подходу в правоприменительной практике. Для квалификации деяния по ч. 1 ст. 312 УК РФ необходимо устанавливать, причинен ли вред объекту охраны, в том числе в случаях, когда вырученные от продажи арестованного имущества средства перечисляются в счет погашения долга: если деяние не причиняет вреда реализации судебного акта как элемента статичности процесса, оно не посягает на авторитет правосудия и не должно влечь уголовную ответственность.

9. Деяние, предусмотренное ст. 311 УК РФ, посягает прежде всего на статику процесса (безопасность лиц в связи с их участием в судопроизводстве), однако несет в себе угрозу и его динамике, поскольку разглашение сведений о мерах безопасности создает угрозу жизни или здоровью конкретного участника и тем самым способно воспрепятствовать исполнению им процессуальных обязанностей. При этом общественно опасные последствия данного преступления находятся за рамками производства по конкретному делу: угроза безопасности участника не прекращается с завершением судопроизводства, в силу чего состав преступления, предусмотренный ст. 311 УК РФ, сохраняется и после окончания производства по делу и вступления приговора в законную силу.

10. В преступлениях, посягающих на обязательность судебных актов (ст. 312–315 УК РФ), вопрос о последствиях последующего признания судебного акта незаконным разрешается дифференцированно. Если неисполненный судебный акт являлся окончательным (например, приговор) и впоследствии признан незаконным, состав преступления в действиях лица, уклонившегося от его исполнения, отсутствует. Если же судебный акт являлся промежуточным (например, постановление об избрании меры пресечения или о наложении ареста на имущество), состав

преступления сохраняется независимо от последующего признания этого акта незаконным, поскольку его неисполнение способно причинить невосполнимый вред (сокрытие обвиняемого, утрата доказательств).

11. Неоднократные нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ), допущенные лицом, подвергнутым официальному предостережению, образуют единое преступление: квалификация каждого нарушения как самостоятельного преступления концептуально неверна, поскольку противоречит природе основного непосредственного объекта данного посягательства. Это же правило должно применяться и при квалификации деяний по ст. 314¹ УК РФ.

12. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 294¹ УК РФ, является суверенное право государства на осуществление уголовного судопроизводства в пределах своей территории; данное деяние посягает на статику процесса. В мирное время государство не вправе осуществлять уголовное судопроизводство – совершать следственные действия, проводить оперативно-разыскные мероприятия, применять меры принуждения – за пределами своей территории, на территории другого государства, без согласия последнего в каждом конкретном случае либо вне рамок международного договора; подобные действия образуют нарушение суверенитета государства. Если предусмотренные ст. 294¹ УК РФ действия совершены указанным в ней лицом с нарушением установленного порядка взаимодействия, однако установлено, что они не противоречат интересам Российской Федерации, состав преступления отсутствует; состав отсутствует и в случае, когда трансграничный допрос проведен в отношении гражданина Российской Федерации, находящегося в момент допроса за пределами территории РФ.

13. На основе разработанной концепции обосновывается комплекс взаимосвязанных изменений гл. 31 УК РФ, представленный в виде проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (приведен в заключении диссертации и в приложении к ней). В частности, предлагается:

1) *ввести в гл. 31 УК РФ:*

- статью 294² «Укрывательство преступлений от учета, совершенное должностным лицом»;
- статью 294³ «Заведомо незаконный отказ в возбуждении уголовного дела»;
- статью 309¹ «Получение предмета подкупа участником уголовного судопроизводства»;
- статью 316¹ «Несообщение об особо тяжком преступлении».

2) *дополнить:*

- статью 294 самостоятельной частью об ответственности за вмешательство в законную профессиональную деятельность защитника в целях воспрепятствования осуществлению им защиты по уголовному делу;
- статью 298¹ указанием на защитника в числе потерпевших и частью 4, предусматривающей ответственность за клевету, совершенную публично, с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»;
- статью 296, дополнив перечень видов угроз и изменив описание квалифицирующих признаков, указанных в частях 3 и 4 данной статьи;
- статьи 301 и 305 УК РФ частями об ответственности за деяние, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (тот же признак включен в новые редакции ст. 299, 300, 302, 303);
- статью 308 частью 2, установив ответственность за систематическое уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний по уголовному делу после законного вызова;
- статью 314¹ УК РФ частью 3, предусматривающей ответственность за злостное неисполнение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, возложенных судом ограничений при отсутствии цели уклонения от административного

надзора и связи с совершением иного административного правонарушения.

3) *изложить в новой редакции:*

- статью 299; часть 3 статьи исключить;
- статью 300;
- статью 302, в том числе дополнив перечень незаконных способов принуждения подкупом и расширив действие нормы;
- статью 303, в том числе дополнив объективную сторону новыми признаками;
- статью 295, согласовав круг потерпевших с объектом уголовно-правовой охраны;
- статью 296, исключив из круга потерпевших эксперта и специалиста;
- наименование ст. 297 как «Неуважение к суду и иным участникам судопроизводства», дополнить ее частью 3, устанавливающей ответственность за оскорбление следователя, дознавателя, прокурора или защитника в связи с их участием в производстве по уголовному делу либо в проверке сообщения о преступлении;
- часть 1 ст. 306, расширив действие нормы;
- часть 2 ст. 307, дополнив ее новым квалифицирующим признаком, а также примечание к ст. 307, расширив условия освобождения от уголовной ответственности за заведомо ложные показания;
- статью 309, распространив принуждение на отказ потерпевшего или иного лица от подачи заявления о преступлении;
- статью 315, признав уголовно наказуемым злостное уклонение осужденного от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы;
- части 2 и 3 ст. 314, предусмотрев ответственность за неявку осужденного, которому предоставлена отсрочка отбывания наказания, в орган уголовно-исполнительной системы, в судебное заседание, ограничив наказуемость деяния по ч. 3 случаями

злостного уклонения от принудительных мер медицинского характера;

– наименование и часть 1 ст. 311 УК РФ в новой редакции, расширив круг охраняемых лиц, определив предметом преступления сведения о мерах государственной защиты;

– статью 304 УК РФ, дополнив цель деяния указанием на уголовное преследование провоцируемого, включив в объективную сторону организацию такой провокации и предусмотрев квалифицированный состав;

4) реконструировать санкции норм об ответственности должностных лиц за посягательства на динамику процесса;

5) переместить состав дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в гл. 31 УК РФ; признать ст. 321 утратившей силу;

Предлагаемые изменения сопровождаются корреспондирующими изменениями ст. 151 УПК РФ в части определения подследственности новых составов преступлений.

14. Предложен комплекс разъяснений, сформулированный в виде проекта изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (приведен в заключении диссертации и в приложении к ней). Предлагается распространить его действие на всю гл. 31 УК РФ, изложить п. 10, 13 и 20 в новой редакции и дополнить постановление новыми пунктами.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается избранной методологией и комплексным применением апробированных общенаучных и частнонаучных методов познания; теоретической основой исследования, которую составили труды по уголовному праву, уголовному процессу, конституционному праву, истории и теории государства и права дореволюционных, советских и современных российских ученых, а также – с учетом опоры предложенной концепции на классическую континентальную модель уголовного судопроизводства – работы современных французских ученых в области уголовного права и

уголовного процесса; репрезентативностью использованной нормативной и эмпирической базы; применением контент-анализа, обеспечивающего объективность и воспроизводимость результатов обработки эмпирического материала; а также сопоставлением полученных автором результатов с выводами других исследователей. Достоверность и практическая реализуемость выводов подтверждаются и тем, что сформулированные предложения доведены до уровня конкретных нормативных формулировок (проект федерального закона о внесении изменений в УК РФ) и разъяснений (проект изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20).

Апробация результатов исследования. Работа подготовлена в секторе уголовного права, уголовного процесса и криминологии федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт государства и права РАН, где состоялись ее рецензирование и обсуждение.

Подготовленные по результатам исследования проекты федеральных законов и пояснительные записки к ним были направлены в профильный комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству представленные материалы рассмотрены. Отмечены актуальность темы, высокий уровень проработки и теоретическая глубина представленных материалов, содержащих ряд предложений, представляющих интерес для законотворческой деятельности (письмо от 5 июня 2026 г. № 3.1–29/692 за подписью председателя Комитета П.В. Крашенинникова).

Основные положения диссертационного исследования докладывались на международных и всероссийских научно-практических мероприятиях. Результаты исследования нашли отражение в 31 научной статье общим объемом 25,13 п.л. в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, подготовленный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ, а также в двух монографиях.

Структура и объем диссертационной работы обусловлены ее целью и задачами. Диссертация состоит из введения, двух разделов, объединяющих семь глав (тридцать два параграфа), заключения, списка использованных источников и приложений.

Логика изложения подчинена переходу от историко-теоретических и методологических основ учения о преступлениях против правосудия к построению их системы и далее – к анализу отдельных составов преступлений гл. 31 УК РФ на основе предложенного процессуального критерия.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются цель и задачи, указываются научная новизна, методология, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы работы, формулируются основные научные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся данные об апробации результатов диссертационного исследования и ее структуре.

Первый раздел работы объединяет три главы и посвящен общетеоретическим и методологическим основам учения о преступлениях против правосудия, обоснованию концепции полноты судебной власти и разработке процессуального критерия их систематизации.

Глава первая **«Преступления против правосудия: общетеоретические проблемы»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе отражена эволюция отечественного законодательства и доктрины от первых памятников русского права до УК РФ. Автор показывает, что развитие учения определялось двумя устойчивыми тенденциями – последовательным расширением круга охраняемых от посягательств интересов правосудия и стремлением законодателя к консолидации соответствующих составов. Однако вплоть до УК РСФСР 1960 г. посягательства «извне» (со стороны частных лиц) и «изнутри» (должностные злоупотребления) рассматривались как разнородные явления и не объединялись в единой главе. Обособление главы о преступлениях против правосудия не сопровождалось созданием адекватного теоретического обоснования единства этой группы норм. Концепция «двух значений правосудия» и идея двухкомпонентного объекта описывают, но не объясняют включение в объект охраны деятельности несудебных органов и не предлагают критерия, позволяющего отграничить деятельность, направленную на обеспечение правосудия, от деятельности, автономной по отношению к нему.

Во втором параграфе рассматривается соотношение понятий «судебная власть», «правосудие» и «судопроизводство». Автор обосновывает, что осуществление правосудия является основной, но не единственной функцией судебной власти и что нормы гл. 31 УК РФ охраняют именно правосудие – конкретную функцию, а не судебную власть в целом и не ее «интересы». На основе телеологического (целевого) критерия и категории публичного интереса в уголовном судопроизводстве формулируется определение преступлений против правосудия как общественно опасных виновных деяний, посягающих на общественные отношения, характеризующие установленный порядок осуществления судопроизводства во всей полноте этого понятия (включая организацию суда и его вспомогательных органов, их независимость и авторитет – статику процесса), а также порядок деятельности, направленной на достижение целей и назначения правосудия (динамику процесса). Из определения выводятся три существенных признака этих преступлений: связь посягательства с осуществлением судопроизводства и достижением его целей; причинение вреда (угроза причинения вреда) публичному интересу в нормальном осуществлении судопроизводства; определение круга субъектов и потерпевших вовлеченностью лица в сферу судопроизводства, а не его формальной ведомственной принадлежностью (см. положение 2, вынесенное на защиту).

Глава вторая **«Процессуальные основы систематизации преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства»** состоит из трех параграфов и образует методологическое ядро исследования.

В первом параграфе обосновывается обращение к восходящей к трудам И.Я. Фойницкого и В.К. Случевского доктрине полноты судебной власти. Юрисдикционная правоприменительная деятельность государства легитимна лишь при участии суда; органы, действующие процессуально (следователь, дознаватель, прокурор, защитник), а равно органы, деятельность которых направлена на цели судопроизводства, но не урегулирована уголовно-процессуальным законом (ФССП России, ФСИН России), функционально выступают вспомогательными органами судебной

власти и находятся под ее контролем. Полноту судебной власти обеспечивают два механизма. Функциональный (судопроизводственный) механизм означает, что вспомогательные органы, начиная действовать процессуально, попадают под контроль судебной власти – сплошной либо существующий лишь как институциональный потенциал; их деятельность не автономна и направлена на достижение целей и назначения правосудия. Организационный (судоустройственный) механизм наиболее полно выражен во французской модели единой магистратуры – едином корпусе судей и прокуроров; в ряде стран континентальной Европы прокуратуру относят к судебной власти и без такого корпуса. В России единая магистратура не сложилась: прокуратура в судейский корпус не входила. Судебные следователи, напротив, были отнесены к судебной власти, тогда как прокуроры и присяжные поверенные были связаны с нею функционально – состояли при судах под их дисциплинарной властью. В советский период и эта связь была утрачена. Данное обстоятельство объясняет нахождение в гл. 31 УК РФ норм об охране деятельности несудебных органов, в том числе на досудебных стадиях и на стадии исполнения приговора, и одновременно позволяет выявить непоследовательность законодателя при определении круга субъектов и потерпевших (ст. 295, 296, 297, 298¹ УК РФ).

Во втором параграфе исследуется историческая трансформация институтов дознания, доследственной проверки сообщения о преступлении и оперативно-разыскной деятельности. Отечественная модель, унаследовавшая черты континентальной (французской) традиции, так и не завершила последовательного разделения органов полиции (исполнительная власть) и юстиции (суд и прокуратура): органы дознания и предварительного следствия постепенно сближались, тогда как следствие, утратив органическую связь с судебной властью и органами юстиции, по сути превратилось в административную деятельность. В результате реформ следователь был окончательно отделен от прокуратуры, но не возвращен судебной власти, а на месте классического дознания возникли институт доследственной проверки сообщения о преступлении и оперативно-разыскная деятельность. Именно эта

незавершенность разделения функций и обусловленное ею изменение природы органов расследования создали предпосылки для рассогласования взглядов на границы уголовного судопроизводства.

В третьем параграфе обосновывается расширительное понимание судопроизводства. Деятельность, осуществляемая в ходе проверки сообщения о преступлении, и оперативно-разыскная деятельность, направленная на раскрытие преступления, по своей правовой природе тождественны полицейскому дознанию как первоначальному этапу классической континентальной модели, в силу чего преступления против правосудия могут совершаться и на этапах, предшествующих возбуждению уголовного дела (см. положения 4 и 6, вынесенные на защиту).

Глава третья **«Место преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства в системе посягательств»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе дан критический анализ существующих классификаций преступлений против правосудия. По мнению автора, их недостатки производны от непризнания центральной роли суда в судопроизводстве и от отсутствия единого критерия отнесения деятельности вспомогательных органов к сфере уголовно-правовой охраны.

Во втором параграфе предлагается авторский процессуальный критерий, основанный на восходящем к работам И.Я. Фойницкого и С.И. Викторского разграничении статике (организации суда и его вспомогательных органов – судоустройства в широком смысле) и динамики (порядка процессуальной деятельности) процесса. В отличие от подходов, опирающихся на оценочную категорию «интерес», предложенный критерий основан на объективной структуре самого судопроизводства, что обеспечивает ему необходимую определенность. На его основе преступления гл. 31 УК РФ подразделяются на две группы (см. положения 5 и 7, вынесенные на защиту).

Второй раздел работы объединяет четыре главы и содержит анализ отдельных составов гл. 31 УК РФ.

Глава первая «Преступления, посягающие на авторитет правосудия» состоит из девяти параграфов и охватывает посягательства на статику процесса.

Внутри главы выделяются три способа причинения вреда авторитету правосудия.

1. *Непосредственное его умаление* происходит в результате совершения деяний, предусмотренных ст. 297, 298¹ УК РФ.

Неуважение к суду посягает на авторитет правосудия, который раскрывается через уважение внутри судебного корпуса, между судом и участниками процесса, между судом и институтами гражданского общества. Заголовок статьи не вполне соответствует ее содержанию, в связи с чем предлагается ее новое наименование (см. положение 13, вынесенное на защиту). Введение отдельной ответственности за «скандализацию» правосудия не поддерживается, отмечается необходимость сохранения широких пределов критики судебной власти. С учетом концепции полноты последней предлагается расширить круг потерпевших и ввести квалифицированный состав (см. положение 13, вынесенное на защиту).

Норма о клевете в отношении судьи и иных участников судопроизводства выступает специальной по отношению к норме, отраженной в ст. 128¹ УК РФ. К содержанию клеветнических сведений автор придерживается широкого подхода, в то же время считает неоправданным расширение круга потерпевших за счет включения в него эксперта, специалиста, переводчика, свидетеля и потерпевшего. Вместе с тем, исходя из концепции полноты судебной власти, обоснованы включение в их число защитника и введение квалифицирующего признака публичного распространения клеветы с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (см. положение 13, вынесенное на защиту).

2. *Подрыв авторитета через искажение самого механизма правосудия* осуществляется путем совершения преступлений, предусмотренных ст. 304 и 306 УК РФ.

Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок охватывает два различных способа: фальсификацию самого события передачи, когда должностное лицо не осознает характер деяния, и предложение предмета подкупа без предварительной договоренности в расчете на принятие. Применительно ко второму способу провокация выступает частным случаем неудавшегося подстрекательства к получению взятки, при котором провокатор заведомо не рассчитывает на ответные служебные действия. При «подбрасывании» же предмета подкупа, когда адресат не осведомлен о самой передаче и его воля в получение взятки не вовлекается, содеянное образует не подстрекательство, а фальсификацию события передачи. Разграничение с правомерным оперативно-разыскным мероприятием проводится по материальному и процессуальному критериям его законности, выработанным практикой Верховного Суда РФ. Признавая дискуссионность законодательной формулировки цели и выявляя иные пробелы законодательного регулирования, автор обосновывает необходимость совершенствования нормы, в частности, дополнения цели указанием на последующее уголовное преследование провоцируемого, включения в объективную сторону организации провокации и введения квалифицированного состава (см. положение 13, вынесенное на защиту).

Заведомо ложный донос проанализирован прежде всего в части требования об официальном предупреждении заявителя, которое, вслед за разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, фактически превращает донос в преступление со специальным субъектом. Между тем такое требование не должно носить абсолютного характера. Ответственность за ложный донос, поданный через органы публичной власти, не уполномоченные возбуждать уголовное дело, либо через средства массовой информации, автор предлагает закрепить в новой редакции части 1 ст. 306 УК РФ (см. положение 13, вынесенное на защиту). Исходя из правовых позиций Конституционного Суда РФ осуществлено разграничение доноса и самооговора; обосновано, что статус подозреваемого или обвиняемого сам по себе не исключает

ответственности: ложный донос в отношении конкретного заведомо невиновного лица образует состав даже при цели защиты, тогда как донос без указания на конкретное лицо, направленный лишь на воспрепятствование собственному изобличению, ответственности не влечет. Действия лиц, не подающих заявление, но участвующих в создании искусственных доказательств обвинения, квалифицируются как соисполнительство по ч. 3 ст. 306 УК РФ, а не как пособничество.

3. *Умаление авторитета через посягательство на обязательность судебных актов* осуществляется путем совершения преступлений, предусмотренных ст. 312–315 УК РФ.

Непосредственным объектом незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации, предлагается признавать отношения по реализации судебного акта об аресте имущества или о его конфискации. В связи с этим объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, не сводится к формальному нарушению запрета и требует установления реального вреда объекту охраны, т. е. утраты возможности реализовать судебный акт. При незначительной стоимости имущества деяние может быть малозначительным (см. положение 8, вынесенное на защиту). Состав указанного преступления поглощает административное правонарушение, что исключает их вменение по совокупности, а вопрос о последующей незаконности судебного акта разрешается дифференцированно в зависимости от того, отменен акт окончательный или обеспечительный (см. положение 10, вынесенное на защиту).

Анализ побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи осуществлен исходя из цели уклонения, установление которой необходимо для отграничения побега от дисциплинарного проступка и малозначительного деяния. При оставлении места лишения свободы по незаконному разрешению квалификация деяния определяется не законностью разрешения, а целью осужденного. От преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, побег отличается по характеру разрешенного выезда. Побег является длящимся преступлением, вред правосудию причиняется вплоть до

задержания лица или его явки с повинной, чем определяются момент фактического окончания и предельный момент соучастия. Совокупность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 313 и ст. 318, 321 УК РФ, образуется лишь при причинении тяжкого вреда здоровью. Статья 321 УК РФ посягает на тот же видовой объект, в связи с чем автор обосновывает ее перенесение в гл. 31 УК РФ с одновременным введением самостоятельного состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (см. положение 13, вынесенное на защиту).

При характеристике уклонения от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера отмечаются, во-первых, непоследовательность дифференциации последствий злостного уклонения от ограничения свободы; во-вторых, отсутствие криминализации уклонения от более строгих принудительных работ. Рецидив при этом расценивается как конструктивный признак, а неотягчающее обстоятельство. По мнению автора, злостное уклонение от исполнения приговора должно влечь ответственность независимо от вида наказания и субъекта, иначе ставится под сомнение авторитет судебной власти. Подвергнута критике практика признания каждого отдельного нарушения самостоятельным преступлением (см. положение 11, вынесенное на защиту). Обосновано, что ответственность по ч. 2 ст. 314 УК РФ в настоящее время возможна лишь при неявке по истечении отсрочки исполнения приговора; предложена новая редакция нормы (см. положение 13, вынесенное на защиту). По ч. 3 статьи обоснованной является ответственность только за злостное уклонение, следующее за официальным предупреждением (см. положение 13, вынесенное на защиту).

Анализ уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений позволил сделать два вывода: согласно ч. 1 ст. 314¹ УК РФ в качестве обязательного признака выступает цель уклонения; ч. 2 статьи предусматривает состав со сложной, а не с двойной административной преюдицией, предполагающей, что новое

нарушение лица, считающегося дважды подвергнутым наказанию по ст. 19.24 КоАП РФ, одновременно сопряжено с правонарушением, предусмотренным гл. 6, 19 или 20 КоАП РФ. Практика не всегда учитывает эти обстоятельства. Кроме того, после выполнения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ, каждое последующее нарушение необоснованно, по мнению автора, на практике признается самостоятельным преступлением (см. положение 11, вынесенное на защиту). К тому же выявлен законодательный пробел: действующая редакция статьи не охватывает злостное несоблюдение установленных судом ограничений вне цели уклонения. Между тем такое поведение посягает на авторитет правосудия, в силу чего обосновывается необходимость его криминализации (см. положение 13, вынесенное на защиту).

При характеристике неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта особый акцент сделан на толковании признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ. К охраняемым актам предложено относить не только разрешающие дело по существу, но и акты судебного контроля на досудебных стадиях, кроме процессуальных и технических определений. Злостное уклонение и воспрепятствование исполнению судебного акта различаются не по кругу субъектов, а по объективной стороне. Обращается внимание на отсутствие единого подхода к уголовно-правовому обеспечению исполнения приговора, при котором ряд случаев злостного уклонения от наказаний, не связанных с лишением свободы, состава преступления не образует. Предложен вариант устранения этого пробела (см. положение 13, вынесенное на защиту). Преступление признается длящимся, повторное неисполнение того же акта после осуждения образует новое преступление.

Глава вторая «Преступления, посягающие на независимость органов, участвующих в осуществлении уголовного судопроизводства *ex officio* или в силу профессионального долга, суверенитет государства в сфере судопроизводства и безопасность его участников» состоит из пяти параграфов. Объединяющим началом выступают внешние

условия нормального осуществления правосудия, поставленные под охрану уголовного закона: независимость суда и процессуальная самостоятельность содействующих ему органов; исключительное суверенное право государства на осуществление судопроизводства и безопасность лиц, вовлеченных в процесс.

В § 1 дан анализ *воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования*. Отмечено, что эластичность нормы, отраженной в ст. 294 УК РФ, порождает противоречивую практику. По мнению автора, ст. 295, 296, 307–311 и 316 УК РФ содержат запреты специальных форм воспрепятствования, совершение предусмотренных ими деяний дополнительной квалификации по ст. 294 УК РФ не требует, тогда как посягательства на авторитет правосудия, совершенные в целях вмешательства, образуют совокупность преступлений. Наименование статьи не совпадает с ее содержанием, цель воспрепятствования на практике презюмируется. С учетом отнесения защитника к вспомогательным органам судебной власти и в порядке первого этапа разукрупнения нормы обосновывается дополнение ст. 294 УК РФ самостоятельной частью об ответственности за вмешательство в профессиональную деятельность защитника, а также введение в гл. 31 УК РФ отдельных составов укрывательства преступлений от учета и заведомо незаконного отказа в возбуждении дела (см. положение 13, вынесенное на защиту).

Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (§ 2), охватывает широкий круг потерпевших, что соответствует концепции полноты судебной власти: в него входят лица, участвующие в судопроизводстве ex officio или в силу профессионального долга, а также сотрудники органов принудительного исполнения и ФСИН России. Эксперт и специалист как заменимые носители процессуальной функции к потерпевшим отнесены необоснованно (см. положение 13, вынесенное на защиту). Понятие посягательства охватывает как убийство, так и покушение на него; причинение тяжкого вреда здоровью не образует преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, оно подпадает под признаки

ст. 296 УК РФ. Цель воспрепятствования или мотив мести должны быть связаны с конкретным делом, а не с абстрактной борьбой с системой. Рассмотрены возможные варианты юридической оценки деяния при наличии фактической ошибки.

Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (§ 3) по основному объекту преступления и дифференциации ответственности по потерпевшему соотнесены с характеристикой предыдущего посягательства. Специальная цель в законе не названа, однако ее обязательность обусловлена сущностью деяния: ее отсутствие образует состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ. Действующий перечень угроз признан исчерпывающим, а невключение в него угрозы действиями сексуального характера или распространением порочащих сведений оценено как необоснованное. Применение насилия, не сопряженное с угрозой, не охватывается ч. 3 и 4, что является пробелом законодательства, в связи с чем предложено изменение нормы (см. положение 13, вынесенное на защиту). Причинение тяжкого вреда здоровью во всех случаях требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ.

Посягательство на исключительное суверенное право государства на осуществление уголовного судопроизводства в пределах своей территории (§ 4) отнесено к посягательствам на статику процесса; его объектом выступает суверенное право государства (см. положение 12, вынесенное на защиту). Отличие нормы от зарубежных аналогов заключается в наличии дополнительного признака состава преступления, согласно которому незаконные действия противоречат интересам Российской Федерации. Преступление образуют лишь действия по собиранию доказательств (информации, имеющей доказательственное значение). Оговорка о соответствии законодательству толкуется не буквально, а как требование сущностной аналогии иностранного действия российскому процессуальному действию или оперативно-разыскному мероприятию. Получение сведений из открытых источников состава не образует. Обязательным для квалификации признан негативный признак: деяние наказуемо лишь постольку,

поскольку не образует шпионажа (ст. 276 УК РФ) и не подпадает под признаки ст. 284³ УК РФ.

Посягательство на безопасность лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве (§ 5) посягает на статику процесса, а потому момент разглашения, в ходе производства или после него, *de lege ferenda* на квалификацию влиять не должен (см. положение 9, вынесенное на защиту). Предлагается охватить нормой сведения о мерах безопасности в отношении лиц до возбуждения дела, а также после его разрешения по существу, в том числе в отношении осужденного или оправданного. Предметом преступления признаются сведения, виды и порядок применения которых установлены законом. Обосновывается расширение пределов действия нормы и предмета до сведений о государственной защите в целом (см. положение 13, вынесенное на защиту). Состав преступления имеет место только при наличии прямого умысла, неосторожное разглашение оценивается как административное правонарушение.

Глава третья **«Преступления, посягающие на установленный порядок осуществления правосудия, совершаемые должностными лицами»** состоит из шести параграфов. Объединяющим началом выступает то, что каждое из этих деяний одновременно является злоупотреблением должностными полномочиями, однако помещено в гл. 31 УК РФ, поскольку его основным непосредственным объектом выступает не порядок управления, а правосудие: должностное лицо действует как участник судопроизводства, искажающий порядок установления истины по делу.

В § 1 дан анализ *привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности и незаконного возбуждения уголовного дела*. Особое внимание обращено на наиболее спорные признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ. Опираясь на различие производства *in rem* и *in personam* и концепцию материального обвинения, автор констатирует несоответствие действующей редакции модели судопроизводства и предлагает определить деяние как заведомо незаконное уголовное преследование, факт которого устанавливается приобретением

статуса подозреваемого или обвиняемого, исключив часть 3 и дополнив часть 2 признаком корыстной или иной личной заинтересованности (см. положение 13, вынесенное на защиту). Заведомая невинность связывается с очевидным отсутствием события, состава или непричастностью лица; незаконное возбуждение дела, повлекшее наступление последствий, предлагается квалифицировать как превышение должностных полномочий.

Незаконное освобождение от уголовной ответственности (§ 2), по мнению диссертанта, означает вынесение заведомо незаконного решения, окончательно разрешающего судьбу преследования. Незаконно освобождено может быть и фактически избалованное лицо без процессуального статуса. Отмечая практическую сложность доказывания такой избалованности, автор предлагает уточнить норму (см. положение 13, вынесенное на защиту). Незаконное освобождение признается частным случаем злоупотребления полномочиями и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 285 УК РФ, тогда как образующие его подготовку самостоятельные преступления вменяются по совокупности. Субъектами признаются следователь и дознаватель, а также прокурор и руководители органа дознания, дающие обязательные указания; руководитель следственного органа из их числа исключен, поскольку его указание следователь вправе обжаловать.

Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (§ 3) анализируются отдельно по видам деяния. Задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ) рассматривается только как уголовно-процессуальное действие, при этом автор допускает его совершение и путем бездействия. Отсутствие возбужденного дела предполагает оценку задержания как преступления, предусмотренного ст. 126 или 286 УК РФ. Субъектом незаконного заключения под стражу признается только судья, в силу этого ч. 2 ст. 301 УК РФ содержит специальную норму по отношению к норме, отраженной в ст. 305 УК РФ. Действия следователя, ходатайствующего о заключении лица под стражу, не образуют

покушения на рассматриваемое преступление. Незаконное содержание под стражей признается дялщимся деянием.

Принуждение к даче показаний (§ 4) является преступным и при получении правдивых показаний, поскольку государство не вправе раскрывать одно преступление путем совершения другого. Анализ состава преступления показал, что признак «издевательств» фактически дублирует пытку. Пробелом законодательного регулирования выступает отсутствие такого признака совершения преступления, как подкуп. На устранение этих дефектов уголовно-правовой нормы и согласование круга потерпевших с концепцией материального обвинения направлена предлагаемая ее новая редакция (см. положение 13, вынесенное на защиту). Молчаливое согласие следователя на принуждение, осуществляемое третьим лицом, образует соисполнительство; причинение тяжкого вреда здоровью или смерти вменяется по совокупности со ст. 111 или ст. 105 УК РФ. Отмечен дисбаланс санкций ст. 302 и 286 УК РФ.

Анализируя *фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности* (§ 5), автор отмечает расширительное толкование правоприменителями предмета преступления. Приходит к выводу, что из-за этого для защитника и прокурора в настоящее время преступление считается оконченным уже с момента представления поддельных предметов уполномоченному лицу, а не их приобщения к делу. Фальсификация формы доказательства при достоверном содержании формально образует состав преступления, но при отсутствии влияния на дело может быть признана малозначительной. Круг субъектов является необоснованно узким; на его расширение за счет судьи и участников со стороны обвинения и защиты, дополнение объективной стороны уничтожением, изъятием или сокрытием доказательств и введение квалифицированного состава фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности направлена предлагаемая новая редакция нормы (см. положение 13, вынесенное на защиту).

Ответственность за *вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта* (§ 6) автор связывает с любым судебным актом, а не только с разрешающим дело по существу, признавая субъектом преступления судью, кроме судьи

Конституционного Суда РФ. Квалифицированный состав по конструкции признается материальным, образуется незаконным приговором к лишению свободы либо иными тяжкими последствиями.

Глава четвертая **«Преступления, посягающие на установленный порядок осуществления правосудия, совершаемые недолжностными лицами»** состоит из пяти параграфов. Объединяющим началом выступает то, что эти деяния искажают порядок осуществления правосудия со стороны иных участников и лиц, воздействуя на достоверность доказательственной базы и на нормальное возникновение и течение уголовно-процессуальных отношений; завершается глава институтом прикосновенности к преступлению.

По мнению автора, *заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод* (§ 1) охватывают не только основные сведения по уголовному делу, но и умышленное искажение второстепенных данных, способное повлечь признание доказательства недостоверным. Деяние совершается активной или пассивной ложью, но не простым утаиванием информации. При общественной опасности последнего ответственность должна наступать независимо от официального вовлечения лица в производство по делу. Лжесвидетельство относится к посягательствам на динамику процесса; его опасность не зависит от исхода основного дела. Примечание об освобождении при добровольном заявлении предлагается дополнить обязанностью способствовать расследованию и допустить сообщение даже после окончания дела (см. положение 13, вынесенное на защиту).

Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (§ 2) представлен в работе прежде всего в виде так называемого фактического отказа. Когда осведомленное лицо ссылается на то, что не помнит события или не знает о нем ничего, то деяние предлагается квалифицировать по ст. 307 УК РФ, поскольку заведомая ложь касается самого факта осведомленности. Обосновывается дополнение статьи частью 2 об ответственности за систематическое уклонение (см. положение 13, вынесенное на

защиту). Расширение круга субъектов за счет эксперта, специалиста и переводчика признается преждевременным.

Подкуп или принуждение к даче показаний либо к неправильному переводу (§ 3) отличается от преступлений, предусмотренных ст. 307 и ст. 308 УК РФ, в первую очередь широким подходом к статусу принуждаемого или подкупаемого: в этом случае значение имеет не процессуальный статус, а фактическая осведомленность лица об обстоятельствах дела. Принуждение к отказу от подачи заявления о преступлении предлагается прямо закрепить в норме, а одно лишь обещание заплатить считать подстрекательством к лжесвидетельству. Предложение декриминализировать подкуп признается необоснованным; напротив, доказывается необходимость усиления ответственности за указанное деяние, а также введение в УК РФ самостоятельного состава получения предмета подкупа свидетелем, потерпевшим или экспертом за заведомо незаконные действия (см. положение 13, вынесенное на защиту).

Разглашение данных предварительного расследования (§ 4) раскрывается через характеристику существа сведений и реальную либо потенциальную опасность вреда расследованию или правам участников; при этом из предмета исключаются данные о нарушениях закона, оглашенные в открытом заседании или преданные огласке самим следователем. Момент прекращения запрета автор связывает с направлением уголовного дела с обвинительным заключением (актом, постановлением) прокурору либо с прекращением производства по делу. Субъектом преступления признаются предупрежденные участники уголовного процесса и лица, присутствовавшие при следственных действиях. Обосновывается возможность отобрания подписки у обвиняемого, поскольку защита не должна посягать на права третьих лиц. Подписка о неразглашении должна быть конкретной как по содержанию, так и по сроку действия. Состав преступления признается формальным, совершаемым только с прямым умыслом.

При толковании признаков *укрывательства преступлений* (§ 5) особое внимание обращается на наличие расширительной практики, квалифицирующей по ст. 316 УК РФ в том числе и

бездействие очевидцев, т.е. несообщение о совершенном преступлении. Опираясь на теорию прикосновенности и декриминализацию недонесения, автор объясняет эту практику стремлением восполнить пробел и обосновывает введение в гл. 31 УК РФ самостоятельной нормы об ответственности за несообщение об особо тяжких преступлениях и о тяжких преступлениях против несовершеннолетних (см. положение 13, вынесенное на защиту). Спорный вопрос об укрывательстве другого преступления ради сокрытия собственного по аналогии с пределами права на защиту разрешен в пользу самостоятельной квалификации по ст. 316 УК РФ, поскольку защита не может осуществляться запрещенным законом способом. Укрывательство преступления, совершенное должностным лицом, квалифицируется по ст. 285 или ст. 286 УК РФ. Множественность таких укрывательств, например, путем незаконных отказов в возбуждении дел, образует совокупность, а не единое преступление. Ответственность за укрывательство преступления обусловлена вступившим в силу обвинительным приговором по основному преступлению.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные теоретические выводы и предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на устранение недостатков в дифференциации ответственности за преступления против правосудия, в законодательной технике и использовании терминологии иной отраслевой принадлежности. В числе предложений – реконструкция санкций норм об ответственности должностных лиц за посягательства на динамику процесса (ст. 299–303, 305 УК РФ), баланс которых нарушен изменениями, внесенными в 2022 г. в ст. 286 УК РФ; криминализация заведомо незаконного отказа в возбуждении уголовного дела, несообщения об особо тяжких преступлениях и иных форм прикосновенности; уточнение круга субъектов и потерпевших от отдельных преступлений гл. 31 УК РФ с учетом концепции полноты судебной власти; постановка вопроса об исключении ст. 294 УК РФ в целях детализации наиболее опасных форм воспрепятствования. Намечены направления дальнейшей разработки темы.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. Мельников Е.А. Основные проблемы в сфере уголовной политики // Закон. – 2015. – № 8. – С. 72–80 (1,05 п.л.).
2. Мельников Е.А. Прокуратура в уголовном судопроизводстве: мировые тенденции // Закон. – 2017. – № 3. – С. 60–68 (0,95 п.л.).
3. Мельников Е.А. Генезис понятия уголовного преследования // Законодательство. – 2017. – № 8. – С. 70–77 (0,7 п.л.).
4. Мельников Е.А. Разграничение полицейской, прокурорской и судебной функций в ходе предварительного расследования уголовного дела: общие положения // Российский следователь. – 2024. – № 3. – С. 23–27 (0,48 п.л.).
5. Мельников Е.А. Французская модель предварительного производства по уголовному делу: организационные и процессуальные механизмы // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2024. – № 2. – С. 27–31 (0,56 п.л.).
6. Мельников Е.А. Основные доктринальные подходы к разграничению функций обвинения, защиты и разрешения дела в уголовном судопроизводстве // Право и управление. – 2024. – № 2. – С. 111–116 (0,59 п.л.).
7. Мельников Е.А. Спорные вопросы толкования признаков объективной стороны и субъекта принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) // Государство и право. – 2025. – № 3. – С. 183–187 (0,62 п.л.).
8. Мельников Е.А. Проблемные вопросы объекта и объективной стороны незаконных заключения под стражу или содержания под стражей (ч. 2 ст. 301 УК РФ) // Труды Института государства и права РАН. – 2025. – Т. 20, № 5. – С. 26–37 (0,70 п.л.).

9. Мельников Е.А. Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником: дискуссионные вопросы характеристики объекта и предмета // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 6. – С. 164–175 (0,65 п.л.).
10. Мельников Е.А. Некоторые спорные вопросы объективной стороны и субъекта заведомо незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) // Государство и право. – 2025. – № 10. – С. 118–125 (0,86 п.л.).
11. Мельников Е.А. Некоторые спорные вопросы объективной стороны и субъекта принуждения к даче показаний // Государство и право. – 2025. – № 11. – С. 177–185 (1,02 п.л.).
12. Мельников Е.А. Квалифицирующие признаки принуждения к даче показаний (ч. 2–4 ст. 302 УК РФ): актуальные вопросы // Государство и право. – 2025. – № 12. – С. 135–140 (0,72 п.л.).
13. Мельников Е.А. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования лицом с использованием своего служебного положения (часть 3 статьи 294 Уголовного кодекса Российской Федерации): актуальные вопросы правоприменительной практики // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 3. – С. 27–34 (0,95 п.л.).
14. Мельников Е.А. Квалифицированные виды побега: актуальные вопросы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 3 (62). – С. 231–239 (1,02 п.л.).
15. Мельников Е.А. Уклонение от отбывания лишения свободы: дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 3. – С. 91–96 (0,65 п.л.).
16. Мельников Е.А. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (статья 294 Уголовного кодекса Российской Федерации): проблемные вопросы объекта и объективной стороны // Вестник

- Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 4 (63). – С. 252–261 (1,17 п.л.).
17. Мельников Е.А. Проблемы толкования объекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ // Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 4. – С. 122–130 (1,00 п.л.).
 18. Мельников Е.А. Подходы к определению основного непосредственного объекта побега (ст. 313 УК РФ): значение для правоприменительной практики и совершенствования законодательства // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 19, № 4. – С. 614–621 (0,52 п.л.).
 19. Мельников Е.А. Неуважение к суду (ст. 297 УК РФ): проблемные вопросы объекта и объективной стороны // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2025. – Т. 27, № 2. – С. 170–184 (1,03 п.л.).
 20. Мельников Е.А. Дискуссионные вопросы характеристики предмета и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2025. – № 3 (47). – С. 48–57 (1,10 п.л.).
 21. Мельников Е.А. Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики субъекта и субъективной стороны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 3. – С. 76–86 (0,73 п.л.).
 22. Мельников Е.А. Злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания: дискуссионные вопросы характеристики объекта и объективной стороны // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 3. – С. 263–272 (0,87 п.л.).
 23. Мельников Е.А. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны // Искусство правоведения. – 2025. – № 3. – С. 129–138 (0,78 п.л.).

24. Мельников Е.А. Провокация взятки: дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2025. – № 3. – С. 41–50 (0,76 п.л.).
25. Мельников Е.А. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности и доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны и субъекта // *Oeconomia et Jus*. – 2025. – № 3. – С. 96–109 (1,19 п.л.).
26. Мельников Е.А. Методологические подходы к систематизации преступлений против правосудия // Право и управление. – 2025. – № 4. – С. 216–222 (0,68 п.л.).
27. Мельников Е.А. Процессуальный критерий систематизации преступления против правосудия: посягательства на статику и динамику процесса. Обоснование выбора критерия // Международный научный вестник. – 2025. – № 4. – С. 145–153 (0,96 п.л.).
28. Мельников Е.А. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 Уголовного кодекса Российской Федерации): дискуссионные вопросы объекта преступления // Право и управление. – 2025. – № 5. – С. 500–504 (0,44 п.л.).
29. Мельников Е.А. Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики объекта и объективной стороны // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 73–80 (0,96 п.л.).
30. Мельников Е.А. Назначение, цели и задачи уголовного судопроизводства и их уголовно-правовое обеспечение // Государство и право. – 2026. – № 5. – С. 135–142 (0,79 п.л.).
31. Мельников Е.А. Актуальные вопросы соотношения воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ) с иными составами преступлений // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия:

Гуманитарные науки. – 2026. – Т. 20, № 2. – С. 240–249 (0,63 п.л.).

Монографии:

32. Мельников Е.А. Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство): монография. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 168 с. – ISBN 978-5-4396-1791-3 (10,5 п.л.).
33. Мельников Е.А. Преступления против правосудия в сфере уголовного судопроизводства: монография. – М.: Проспект, 2026. – 432 с. – ISBN 978-5-392-46340-4 (27,0 п.л.).

Иные научные публикации:

34. Александров А.И., Мельников Е.А. Проблемы уголовно-процессуальной политики на современном этапе // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V Международной научно-практической конференции (г. Симферополь–Алушта, 27–29 апреля 2017 г.). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 5–8 (0,37 п.л.).
35. Мельников Е.А. Организационные и процессуальные механизмы разграничения функций уголовного преследования и предварительного следствия, реализованные в ходе реформы уголовного судопроизводства 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 4. С. 122–131 (1,0 п.л.).
36. Мельников Е.А. Функции уголовного преследования и предварительного следствия в советском уголовном процессе: от разграничения к единству // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 5. С. 130–139 (0,93 п.л.).
37. Мельников Е.А. Понятие уголовного преследования в доктрине и уголовно-процессуальном законодательстве советского периода // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 6. С. 139–145 (0,59 п.л.).
38. Мельников Е.А. Суровость уголовного наказания как фактор деформализации досудебных стадий уголовного

судопроизводства в США // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 8. С. 180–184 (0,45 п.л.).

39. Мельников Е. А. Полномочия исполнительной власти в сфере уголовного судопроизводства в США в контексте системы сдержек и противовесов // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 11. С. 140–143 (0,29 п.л.).
40. Мельников Е. А. О вопросах юридической ответственности за «скандализацию правосудия» // Актуальные проблемы права : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой Дню Конституции Российской Федерации (г. Липецк, 20 декабря 2024 г.). – Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2025. С. 206–211 (0,42 п.л.).
41. Мельников Е.А. Вопросы институциональных границ уголовного права и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. 2025. № 3(5). С. 61–69 (0,60 п.л.).
42. Мельников Е.А. Подкупаемый (принуждаемый) потерпевший и очевидец преступления (ст. 309 УК РФ) // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : материалы XIII Международной научно-практической конференции / Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева. Москва: РГУП, 2025. С. 130–136 (0,36 п.л.).